

П.Н. ДЕМЧЕНКО

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ФЕНОМЕНА ПРАЗДНИКА МАСЛЕНИЦЫ**

Статья посвящена изучению истоков и условий возникновения феномена праздника Масленицы. В публикации рассматриваются онтологические причины возникновения этого праздника. Автор опирается на методологию философии имяславия, символическую концепцию слова и языка, которая обозначена в философии А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского, концепцию онтологической взаимообратимости феноменов языка и времени, описанную в трудах В.А. Фриауфа и В.В. Канафьевой.

Ключевые слова: *праздник Масленица, онтология, символ, язык, фонема, морфема, семема, имя, число*

Демченко Полина Николаевна - доцент кафедры журналистики, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. E-mail: polina-alex@mail.ru

P.N. DEMCHENKO

ONTOLOGICAL ASPECTS OF THE PHENOMENON OF MASLENITSKA

The article is devoted to the study of the origins and conditions of emergence of the phenomenon of Maslenitsa. The paper examines the ontological causes of this holiday. The author relies on the methodology of the philosophy of «imiaslavie» (name worship), the symbolic concept of speech and language, which is designated in the philosophy of A.F. Losev and P.F. Florensky, and the concept of ontological mutual reversibility of the phenomena of language and time described in the works of V.A. Friauf and V.V. Kanafieva.

Keywords: *Maslenitsa holiday, ontology, symbol, language, phoneme, morpheme, sememe, name, number*

Polina N. Demchenko - assistant professor at the Department of Journalism, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television. E-mail: polina-alex@mail.ru

Календарные обряды как органическая часть духовной культуры славян интересовали исследователей с давних времен. Сегодня внимание общества к изучению традиционной культуры обусловлено его стремлением к самопознанию. Наш интерес к исследованию онтологии феномена Масленицы связан с малой проработанностью онтологических истоков этого праздника, что и определило актуальность и необходимость изучения онтологии данного феномена.

В трудах учёных можно найти рассмотрение Масленицы в рамках философских, лингвистических и культурологических исследований.

Первые свидетельства о проведении русскими праздничных увеселений, связанных с народным календарём, принадлежат путешественникам и участникам первых научных экспедиций XVII-XVIII веков, а также содержатся в летописях, поучениях и «словах» древних проповедников. В первой половине XIX века изучение календарных обрядов отрывается от практических задач географического, экономического описаний, что создаёт условия для более полного и системного

фиксирования материала. В это время появляются труды И.М. Снегирева, И.П. Сахарова, А.В. Терещенко, в которых были обобщены все известные к тому времени сведения по обрядам и верованиям восточных славян, подчёркивалась общность их календарной обрядности.

Дальнейшая работа по собиранию и систематизации материалов по календарным обрядам была связана с собирательской деятельностью Русского Географического общества.

Во второй половине XIX века учёные ставят своей задачей не только фиксировать, систематизировать фольклорный и этнографический материалы, но и интерпретировать их. Этот начальный этап формирования научного интереса к феномену праздника характеризуется отсутствием единой методологии и появлением самостоятельных подходов к его пониманию, таких как теория заимствования (Е.В. Аничков, А.Н. Веселовский, В.Ф. Миллер), «трудовая» (В.И. Чичеров), «аграрно-продуцирующая» (В.Я. Пропп), мифологическая (А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня), социологическая (А.И. Пиотровский). Безусловным дости-

жением этих теорий является более или менее отчётливая фрагментация картин праздника. К недостаткам можно отнести неясный их общий смысл, без глубокой рефлексии самой дефиниции праздника.

В работах учёных-мифологов содержатся и первые попытки научного объяснения происхождения календарных праздников. Так, А.Н. Афанасьев в своём труде «Поэтические воззрения славян на природу» объявляет многие народные праздники остатками религии поклонения солнцу [1]. Имеют большое научное значение и в наши дни труды А.А. Потебни «О мифическом значении некоторых поверий и обрядов» [5], «Объяснение малорусских и сродных народных песен» [6]. Анализ обрядовых песен А.А. Потебня строил на детальном и скрупулёзном изучении материалов, но при этом, следуя тому же направлению, что и А.Н. Афанасьев, в народных обрядах всюду видел отражение солнечной религии.

В последнее время феномену праздника в отечественной и зарубежной философской мысли уделяется мало внимания. Недостатком данных исследований является интерес к культурно-историческим, социологическим, этнографическим аспектам праздника и категориям, связанным с ним (обычаям, народным традициям, ритуалам, обрядам, гаданиям, церемониям, играм и др.), без рассмотрения феномена праздника в контексте фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, а также его последователей: Ж. Батая, Ж. Деррида, А. Ленгле, М. Мерло-Понти, Ж.-Л. Нанси, Ж.-П. Сартра, Э. Финка, В. Фромма, М. Фуко.

Масленица как один из самых ярких элементов календарной обрядности издавна привлекала внимание этнографов. Более чем за полтора века было собрано и опубликовано немало описаний русской масленицы. О масленичных увеселениях русских упоминали в своих работах И.М. Снегирев [10], И.П. Сахаров [9], А.В. Терещенко [12] и др. Материалы о масленичных обрядах представлены во всех основных работах по этнографии восточных славян [2; 8; 13; 15 и др.], сведения о них включены в учебники по народной культуре и фольклору. О Масленице имеются отдельные фрагменты и главы в фундаментальных трудах «Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX веков (Очерки по истории народных верований)» В.И. Чичерова [14], «Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования)» В.Я. Проппа [7], «Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов» В.К. Соколовой [11].

Несмотря на значительный пласт философских, лингвистических, культурологических исследований феномена Масленицы, исследование его онтологии, как правило, не носит первостепенного значения, в большинстве случаев констатируется факт существования данного праздника и встречаются неглубокие его описания.

Проблема нашего исследования связана с недостаточной теоретической проработанностью онтологических оснований русской культуры и с риском постепенной утраты ею своей самобытности. В связи с этим нашей целью является исследование феномена русской Масленицы с позиций экспликации идей символической концепции слова и языка, которая обозначена в русской философии имяславия А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского, В.А. Фриуфа, В.В. Канафьевой.

Экспликация данного подхода осуществляется в исследовании традиции праздника Масленицы как следствия ностальгии по нормальному строению бытия относительно феномена языка (языка-символа) и времени (эонического).

За онтологическую нормативность бытия, согласно нашему подходу, принимается бытие-символ, представляющее собой изначально совмещённые Смысл и Явление - Дух и Тело. Согласно П.А. Флоренскому, бытие-символ (вечное бытие) - это «бытие, которое больше самого себя». Вследствие онтологического процесса, называемого «топологическим смещением» («топологическим сдвигом») - аналог «грехопадения» в христианской традиции, происходит расщепление бытия как символа небытием, что в свою очередь становится условием возникновения бытия-кентавра - «симулякрового строения бытия». «В процессе десакрализации язык, для которого становится характерной расщеплённость бытия небытием, начинает фигурировать в качестве языка-знака» [4, с. 5].

Результатом данной расщеплённости бытия является процесс симуляции в языке: в структуре языка появляется новый элемент - фонема - наряду с означаемым и означающим. Такое смещение языка в сторону знака от символа становится возможным благодаря меонизации бытия (причина в материи, задающей смещение Смысла и Явления (элементов символа) друг относительно друга своим вторжением в структуру символа).

Символ - это истинное бытие, принципом которого выступает имя, задающее онтологическую меру - язык-символ. Онтология языка-знака диаметрально

«перевёрнута» по отношению к онтологии нормативности бытия, поскольку её принципом выступает число, являющееся условием существования языка-знака. Таким образом, мы говорим об иной онтологии - по причине меонизации «ущербной» онтологии тварного космоса, представляющей симуляцию, нарушение онтологической нормы - кентаврическим, симулякральным структурированием бытия.

Наличие двух диаметрально противоположных онтологий задаёт существование двух парадигм, эксплицирующих традиции соответственно. Традиция имени, характеристикой которой является язык-символ. Её принцип - имя - есть «полнота парадигматических онтогносеологических возможностей». Эоническое время (вечность), представляющее конгруэнтность времени и пространства, является формой существования данного бытия. Бытие-символ - «самодостаточное, не проистекающее никуда в виде эманаций, не дискретно и остаётся всегда цельным, проходя сквозь различные формы времени и процессы» [4, с. 6].

Традиция числа, характеризуется языком-знаком, а её принципом выступает число, - *«это бытие, которое меньше самого себя в силу своей меонизации и постоянной однонаправленности времени как базовых осей координат языка-знака»* [4, с. 6]. В рамках данной традиции релевантно говорить о «бытии в становлении», бытии во времени. Язык-знак, являющийся подделкой языка-символа, претендует на универсальный язык.

В ходе развития мировой истории мы можем наблюдать явную или скрытую форму борьбы традиции имени и числа - традиции и контр-традиции, возникших примерно в одно и то же время. Причина конфликта заложена в их онтологиях, не приводимых друг к другу, наоборот, взаимоисключающих.

Понятие феномена праздника становится возможным только в рамках симулякральной фоновой традиции как процесс преодоления, преобразования бытия-кентавра. В рамках онтологической нормативности бытия нет необходимости в празднике как таковом, потому что мы сталкиваемся не с меоническим (конечным) временем, обуславливающим календарность события, а эоническим.

Суть феномена праздников как таковых заключается в восстановлении «начального и священного времени», поскольку праздник - это некие действия, раскручивающиеся «в начальном времени». Поведение человека *во время* праздника будет отличаться от его поведения до

и *после*. Эта разница в поведении, по нашему мнению, лежит в актуализации ино-сознания через *со-участие* с каким-либо священным событием, и оборачиваемости участника праздника в другое время (эоническое). В результате этого участник праздника «опрокидывается» в иную онтологию, помогающую обрести мифическое *illud tempus* с помощью ритуала, обряда, *со-причастия* с культом. Таким образом, в процессе *со-участия* с каким-либо праздничным священным событием через ритуал, обряд, *со-причастие* с культом происходит преобразование «ущербного» бытия (бытия-кентавра) и достижение онтологической нормативности бытия (бытия-символа).

Феномен праздника Масленицы - это глубинная память о символе, архетип в сфере ино-сознания, архетип традиции имени в традиции числа, импликация имени в культуре в качестве мировоззрения, хозяйственной и культовой деятельности человеческого общества.

В масленичной обрядности присутствуют элементы свадебного, похоронно-поминального комплексов и инициаций; их включение в масленичную обрядность основано на сходной семантике «перехода», наличествующей у Масленицы как праздника, отмечающего «переход» в различных аспектах: онтологическом, темпоральном, социальном, возрастном. Межобрядовые параллели свадебной, поминальной, инициационной обрядности в масленичном комплексе обнаруживают себя в едином онтологическом основании через виртуализацию символа как онтологической нормы бытия.

Следствием наличия единого онтологического основания у различных народов и в различных традициях являются общие по смысловому содержанию обрядовые действия. Через инициатический опыт происходит преобразование онтологической ущербности бытия-кентавра и восстановление онтологической нормативности бытия.

В масленичном комплексе можно проследить в качестве общей идеи народной и христианской традиций идею преобразования греховной сущности человека как следствие пребывания в традиции числа через опыт инициации «второго рождения» - духовного рождения, переживания через актуализацию памяти онтологической нормы бытия - бытия-символа. Неутолимая онтологическая жажда человека, страх перед хаосом, окружающим миром, небытием, проявляющиеся в масленичной обрядности, объединяют народную традицию с христианской. Участни-

ки праздника так же, как и религиозный человек, получают возможность найти Космос в изначальном его сотворении через познание священного времени и пространства.

Таким образом, можно предположить, что в календарной обрядности заложен не сельскохозяйственный цикл, а «сакральное знание о глубинных символических соответствиях между природной и духовной сторонами бытия» [3, с. 175], раскрывающееся в акте преобразования бытия-кентавра через момент инициации - взаимоперехода от горнего к дольнему, от ветхого к новому, опыт переживания смерти и её умаление и поправление. Следовательно, Масленица - это победная фаза качественного преобразования ущербной реальности, в которой пребывает человек.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. - М.: Тип. Грачева и Комп, 1865-1869; Т. 1-3. Репринт. - М.: Индрик, 1994; Т. 1. - 800 с.; Т. 2. - 784 с.; Т. 3. - 840 с.
2. Громыко М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. - М.: Мол. гвардия, 1991. - 446 с.
3. Дугин А.Г. Метафизика благой вести (православный эзотеризм) / А.Г. Дугин. - М.: Арктогея, 1996. - 264 с.
4. Канафьева В.В. Время, онтология, язык / В.В. Канафьева. - Саратов: Научная книга, 2006. - 136 с.
5. Потебня А.А. О мифологическом значении некоторых обрядов и поверий / А.А. Потебня. - М.: Университетская типография, 1865. - 310 с.
6. Потебня А.А. Объяснение малорусских и сродных народных песен: в 2 т. / А.А. Потебня. - Варшава, 1883. - 280 с.
7. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования / В.Я. Пропп. - М.: Лабиринт, 2000. - 192 с.
8. Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. - М.: Наука, 1997. - 828 с.
9. Сахаров И.П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков: в 3 т. / И.П. Сахаров. - СПб.: Тип. Сахарова, 1849. - Кн. 6, Т. 1-2. - 611 с.
10. Снегирёв М.И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды: 4 вып. / М.И. Снегирев. - М.: Университетская типография, 1837-1839. - Вып. 1, 1837. - 246 с.; Вып. 2, 1838. - 142 с.; Вып. 3, 1838. - 215 с.; Вып. 4, 1839. - 240 с.
11. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов / В.К. Соколова. - М.: Наука, 1979. - 286 с.
12. Терещенко А.В. Быт русского народа в 7 ч. / А.В. Терещенко. - СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1848. - Ч. 1. - 507 с.; Ч. 2. - 619 с.; Ч. 3. - 131 с.; Ч. 4. - 335 с.; Ч. 5. - 183 с.; Ч. 6. - 223 с.; Ч. 7. - 348 с.
13. Украинцы / Отв. ред. Н.С. Полищук, А.П. Пономарёв. - М.: Наука, 2000. - 535 с.
14. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX веков: Очерки по истории народных верований / В.И. Чичеров. - М.: Изд-во АН СССР, 1957. - 236 с.
15. Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / Отв. ред. К.В. Чистов. - М.: Наука, 1987. - 558 с.